

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛОРД ДАНСЕЙНИ!

Те, кто знает историю создания «Окситании», наслышаны об основополагающей роли Эдварда Джона Мортон Дранкса Планкетта, 18-го барона Дансейни, в непростом деле укладывания захватывающих дух историй в жёсткие рамки рок-композиций. И у них может возникнуть вполне закономерный вопрос: «Неужели в знак благодарности во всём тексте рок-оперы нет ни одного упоминания об этом фантазёре-англичанине? Неужели нет ни одного намёка на барона?!» Конечно, могу и переоценить внимание интересующихся моим творчеством к присутствию или отсутствию даже тени человека, давшего толчок к написанию эпического полотна, но уж очень хочется, чтобы подобный вопрос был задан.

Чёрная неблагодарность не входит в чёрные списки моих чёрных недостатков (три «ЧЁ» – заЧЁт!). Перебираю многочисленные черновики 3-го действия, хранящиеся в разноцветных папках, но без ботиночных завязок, как у Ильфа и Петрова. Нахожу вот такой фрагмент:

2-й СТРАЖ ВРЕМЕНИ:

Прекрасней тайны нет на этом свете,
Чем та, что разгадает только Ветер.

У каждого времени своя Инквизиция,
Иуды свои с неприметными лицами,
У каждого времени свои Совершенные,
И всепослушные, и одномерные...
Свои крестоносцы у каждого времени,
Кликуши и воры без роду и племени.
Всё вновь повторяется, вновь искажается,
В легендах и домыслах преломляется,
Так стоит ли делать видимым то,
Что стало невидимым?
Знает лишь Бог!

На развалинах Монсегюра
Много желающих смысл разгадать,
Но я слышу –
Посвящённые стонут в ночи: «Никогда!»,
Поют тихим шёпотом: «Никогда!»

**Колдовство – по боку. Волшебство – по боку.
Английский лорд воплотил Каркассон в багровом облаке,
Романтизм – хорошо, если есть ароматный табак,
А молчаливый слуга приносит вам виски или коньяк,
И никто не тревожит покой славный ваш:
Ни судья, ни тюремщик, ни Времени Страж!**

Мой последний аккорд – Монсегюр,
Мой потерянный дивный аккорд,
Что заставляет повторять до сих пор

Эхо гор:

«Какая честь гонимым быть
И ненавидимым прослыть
В подлунном мире!»

Далёкие развалины Монсегюра так и останутся тем самым манящим магическим огоньком, до которого мне никогда не добраться. Хотя бы из соображений самосохранения. Знаю, что если попаду туда, там и останусь. Уехать оттуда домой, как это делают трудолюбивые и достойные восхищения туристы, не смогу. Нечто подобное уже случилось со мной в конце 70-х, когда пришло время улететь из Гаваны.

Плакало кубинское небо. Неожиданно для всех, даже для метеослужб, пошёл странный, похожий на жемчужный, дождик. «Эй, Ритика! – провожающий нас в аэропорт кубинец схватил меня за руку. – Видишь, Гавана не хочет отпускать тебя, ты же наша! Оставайся!» Помню, ноги как будто налились свинцом, я с огромным трудом поднималась по трапу самолёта, а в ушах звенело: «Ты же наша! Оставайся!». А если бы осталась – не случилось бы в моей жизни ни прог-группы «Автограф», ни «Арии» и всей её развесёлой семейки, ни, наконец, «Династии Посвящённых». Возможно, произошло бы нечто совсем другое. Если в творчестве художника Пабло Пикассо был период «кубизма», в моей жизни произошло бы «окубинивание» – процесс, который отличался бы своей безболезненностью, так как все душевные вибрации мои полностью совпадали с вибрациями танцующего, но измученного карточной системой острова. Я точно не страдала бы, как арестованный Ихтиандр, лишённый своего любимого океана. Но увы... А ведь наши с вами вселенные могли бы и не пересечься. Как же я обожаю сослагательное наклонение, которое так не любит человеческая история!

Да, Монсегюр – моё, наколдованное и выстраданное всеми прошлыми жизнями (если в них верить). Наверное, он олицетворяет то, что ждёт человека веками, предвидя его появление на свет. Возможно, ещё в утробе матушки я знала об этом, но, согласно легенде, вычитанной у Стивена Кинга и существующей где-то в первоизданном виде, такая осведомлённость заботливо стирается силами, контролирующими наше пребывание на земле.

Посмотри-ка, над верхней губой
След от нежного прикосновения,
Мудрый Ангел был рядом с тобой,
Ожидая момента рождения.
И душа твоя знала всё,
Слыша мамино сердцебиение,
Как помчится времён колесо
По свершениям и отторжению.
До рожденья душа знала всё –
Апокалипсис, Откровение,
И какое у Жизни лицо,
И надёжно ли Смерти терпение.

*История Стивена Кинга,
А может быть, и нет,
Прилетал ли к тебе мудрый Ангел –
Космический мега-секрет,
Ты забыл всё, что знал,
Всё, что знал, ты забыл,
Лишь увидев наш мир,
Сумасшедший и дивный наш мир!*

Первый крик – это страх твой и боль,
Мир в утробе таким был понятным,
Мудрый Ангел кружил над тобой,
Целовал уста твоекратно.
Тонким пальцем коснулся губы
И оставил ложбинку над нею,
Проверено –
Знак забвенья того, что когда-то знал ты,
Слыша мамино сердцебиение.

А если действительно это был не Ангел? Вопрос повисает в воздухе, оставаясь без ответа, ибо честных и беспристрастных свидетелей манипуляции с твоекратным поцелуем и стиранием знания о нашем прошлом и будущем нет.

Можно задуматься, дать волю фантазии (собственно, этим и занимаюсь всю свою сознательную жизнь) и прийти к выводу, что книга Лорда Дансейни, уведшая меня сначала в Каркассон, а потом и к развалинам Монсегиора, была поставлена на полку перед моими глазами тем самым Ангелом (?), который склонился надо мной в родильном отделении тбилисской больницы. Роды были тяжелейшими. Бедная моя мама, бедная Зоя Петровна! Я отчаянно сопротивлялась выходу в тот самый мир, новый для младенцев, но совершенно не дивный¹. Врачи совсем было отчаялись спасти ребёнка (то есть меня) и мать, но наша Зоя Петровна любила жизнь, умела бороться за своих детей и не собиралась сдаваться... Помню, отец рассказывал: «В то утро я был на аэродроме, нервничал, конечно, не знал, что там с Зоей... Смотрю: ко мне бежит со всех ног техник, машет руками и изо всех сил кричит: «Командир, Зоя Петровна рассыпалась! Зоя Петровна рассыпалась!» «Рассыпалась» – значит родила.

Ангел (?), дежуривший в родблоке, наверняка вздрогнул от моего недовольного вопля. Возможно, он даже заткнул уши, поражённый отчаяньем младенца, которого взрослые так немилосердно вытащили или вытолкнули в реальность. И не спросили, согласен с таким ходом событий младенец или нет. Хотя, этот Ангел(?) мог быть, как говорится, стреляным воробьём и не первый раз слышал подобные младенческие протесты.

Фантазирую дальше: годы спустя, пролетая мимо моего дома по своим вечно неотложным делам, Ангел (?) заглянул в окно, перебрал в памяти великое множество моментов рождения детей, вычислил меня, вспомнил страдания Зои Петровны и решил хоть

как-то искупить вину сил, отправляющих младенцев в жёсткие объятия повседневной жизни согласно ими же придуманному строгому Уставу Судеб.

Память моя была запечатана его прикосновением в родблоке, изменить установленный порядок Ангел (?) не мог, иначе попал бы в списки неблагонадёжных небожителей, тайных сторонников бунтовщика Люцифера. Но он пропустил через мой мозг некую волну, сделал небольшой намёк на забытое при рождении и продолжил путь, весьма довольный своей поистине ювелирной работой – никто из Высших наверняка ничего не заметит, всё равно загранпаспорта у Пушкиной нет, да и дальше Подмосковья ей не рекомендуют уезжать... Тоненькая игла Утерянного Знания незаметно вошла в вену и впрыснула в кровь эликсир Забытого Монсегюрского Состояния. Была ли я в той жизни, в XIII веке, среди Совершенных или же среди крестоносцев – неизвестно. Но для меня слово «Монсегюр» имеет совершенно особый вкус. Мне чертовски нравится произносить его нараспев, наслаждаясь дивной мелодичностью звуков. Закройте глаза, вдохните поглубже, задержите на секунду дыхание, а на выдохе произнесите по слогам: «Мон-се-гюр»... И вы всё поймёте.

Ох, а если я когда-нибудь всё-таки попаду в те края! Одно лишь прикосновение к древним камням, прячущим в себе столько историй, может подарить ещё одну, новую, иную жизнь! Или же... Вслед за Святым Иоанном по Полю Сожжённых уйду в Багровость, прочь от камня с лучами катарской звезды,

*И от красных и жёлтых цветов,
Вслед за тем, кто скрывает Великое Светлое Слово,
Что могло бы открыть лабиринты и знаки альбигойских далёких миров...*

Да, люди – странные создания, убеждаюсь в этом вновь и вновь. Некоторые, добравшиеся до горы с развалинами Монсегюра, не чувствуют абсолютно ничего. Только усталость от долгого подъёма и раздражение. Значит, в утробе матери они ничего не знали о тайнах альбигойцах и их судьбах, не были частицей захватывающей легенды. Другие же, напротив, чувствуют мистические вибрации, уехав, снова возвращаются сюда, пытаюсь услышать в шорохах и пении ветров то, что ускользнуло от них в прошлый раз. Возможно, тот самый Ангел (?), о котором шла речь выше, пожалел их так же, как и меня. И они со мной, мы – жители одного Багрового Облака.

Что бы сказал, видя это лёгкое безумие, Лорд Дансейни, рассеянно вытряхивая пепел из трубки на пушистый ковёр гостиной? Если бы барон только знал, какую кашу (выражаясь по-нашему, по-русски) он заварил в тот вечер на огне Озарения!

*Монсегюр НАДО МНОЙ проплывает ночами и днями...
Пять углов нашей Тайны никто не открыл до сих пор.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отсылка к антиутопическому роману «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли (впервые издан в 1932 году, англ. «Brave New World»). В заглавие романа вынесена строчка из «Бури» Уильяма Шекспира:

*«О чудо! Какое множество прекрасных лиц! Как род людской красив! И как хорош
Тот новый мир, где есть такие люди!»*

В 2000 году группа Iron Maiden выпустила свой 12-й альбом с таким же названием – «Brave New World», воздав должное интереснейшей книге и её автору-философу, у которого появилось так много последователей. Взять хотя бы хорошо известного у нас в стране Джорджа Оруэлла и его «1984».